

A woman with long dark hair, wearing a traditional Russian folk costume (marionka) with a dark blue patterned blouse and a decorative headband, stands next to a black horse. The background is a soft, out-of-focus grey. The image is framed by a decorative border of red and yellow floral patterns at the top and bottom.

МАРОНКА

Элина Лисовская
Мария Роше

Мария Роше Элина Лисовская Маронка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70054069

SelfPub; 2024

Аннотация

Если ты сжил со свету ведьму, будь готов к тому, что она тебе отомстит. Пусть не сама, но руками верных услужников. Защитит ли тебя тот, в кого ты не очень-то веришь, хоть и носишь на шее охранительный знак? Или вынужден будешь принять помощь от незримого благодетеля, отдав взамен каплю своей крови? Повесть относится к циклу «EverEnding Story».

Мария Роше, Элина Лисовская Маронка

*«Маронка – так в южных землях Великомалья
называют девушек знатного происхождения»
(из записок Аль-яри Орсы, великого мага и
исследователя)*

Лёгкий сумрак плавно перетекал в густые бархатные сумерки, предвещавшие тёплую южную ночь. Край неба переливался золотыми, розовыми, алыми цветами, с другой стороны уже показалась серебристая Первая Луна, а в темнеющей выси одна за другой вспыхивали яркие звёзды. Воздух был по-вечернему мягок, пахло травой, цветами, сухой землёй и, еле уловимо, горьковатым дымом.

Грузный вислоусый мужчина, сидевший на козлах крытой малмыги, принимался и постучал кнутовищем по доскам, образующим перегородку между сиденьем возницы и просторным нутром повозки:

– Братие, кажись, впереди скоро гостильня покажется, либо ещё какой устоялый двор. Может, заедем, или нет?

Кожаная занавесь отодвинулась, и рядом с возницей появилась еще одна усатая голова:

– А далече?

– Кто ж его знает? Дымком потянуло.

Вторая голова принялась:

– Взаправду тянет. Я так мыслю, Пытусь, что ежели где добренько выпить да закусить можно, то с чего бы нам пропускать тое место?

Возница, именуемый Пытусем, одобрительно крякнул.

– А вы чего скажете, ясноваженные? – обратился второй куда-то в темноту малмыги.

– Ежели по здраву рассудить, дядько Гнатий, то надо бы поспешать, – отозвался чей-то голос. – Но, ежели рассуждать ещё здравее, то селение наше сквозь землю не провалится, да и маронка, пошли ей Вышнеединый благи всякой, по-ди, не помрёт, а коли судьба, так одно, вишь, не поспеем. А животины, ежели не покормить да роздыху ей не дать, копыта раскинет, тогда куда долее добираться будем. Опять же, марону убыток: держи ответ потом.

– Янчусь дело плетёт. Да и нам марон не велел в ущерб здоровью своему голодными сломя голову нестись по крошечной тьме, – ещё один мужик, высунувшись рядом с Гнатиём, обвёл рукой степь, по которой неторопливо тащилась малмыга, запряженная парой крупных упитанных рогачей.

– Братие, – слышался ещё один молодой, почти жалобный мужской голос, – может, всё ж отпустите меня обратно в Ученище? От меня ж марону в деле его пользы не более, чем от козлеца наливки.

Внутри малмыги раздались смешки, но Гнатий строго

проговорил:

– Ты, штударь, изучаешь Слово Вышнеединого, в котором он свои наставления запечатлел, так? – судя по голосу, говоривший был горд вычурностью фразы. – Так, – не дожидаясь ответа, со значением продолжал Гнатий. – Значит, в тебе есть нужда. Марон мож совета твоего просить хочет, и наше дело – его повеление выполнить и тебя доставить. А уж отпускать или нет – на то лишь его воля.

– Да откуда же он обо мне прознал? Делами я не славен, в селении вашем не бывал, учение ещё долго не закончу...

– Про то нам не ведомо. Так что попусту себя не беспокой, ясноваженный Тума.

На том разговор закончился, и путь продолжился в тишине, прерываемой лишь глотками сливяной настойки да довольным причмокиванием, пока не показался крепкий частокол, окружавший придорожное заведение. Путники оживились: уже отчётливо чувствовался запах дыма, жареного мяса и лука – всё это вместе сулило неплохое времяпровождение, а с горечавкой – так и вовсе приятное.

* * *

Заскрипели отворяемые ворота, и малмыга въехала на просторный, почти пустой двор. Почти – потому что под навесом уже стояла чья-то повозка, небольшая, красиво отделанная, а из конюшни доносилось лошадиное фырканье.

Выбравшиеся из малмыги мужчины столпились возле повозки.

– Экая важная работа! – проговорил один.

– Я так мыслю, злотенков двести стоить будет...

– «Двести»! Дурень ты, Лабусь. Четыреста, а то и более.

– А по узору не то, чтобы наша... Диду Свербысь, что думаешь?

– А что думать? – хмыкнул приземистый белоголовый старик. – Вон, узор видите, колосками окружённый? С Дальнеюжья повозка.

– Ого... Это кто ж пожаловал к вам из столь отдалённых мест? – поинтересовался Пытусь у работника, который ловко распрягал рогачей.

– Так маронка одна. Красавица, аж глаза слепнут, – вздохнул парень. – А конь у неё какой! За того коня пару имений со всем и всеми купить можно.

– Да будет врать-то!

– Э-э-э, ясноваженный Тума! Там ворота, а вход в го-стильню вон где, – Гнатий крепко взял за плечо щуплого парня в скромной серой рубахе. – А ты, малой, – обратился он к работнику, – ворота-то покрепче замкни. И ключ никому не давай. Особенно вот ему, – он указал на оробевшего Туму. – А то штударь наш всё потеряться норовит.

С этими словами Гнатий и его вынужденный спутник направились к высокому крыльцу. Следом потянулись и остальные.

Внутри гостильня ничем не отличалась от множества таких же заведений, стоящих на более-менее прибыльных местах. Та же стойка с полками за ней, уставленными неизменными глиняными сосудами с горечавкой и прочими настоячками; дверь в кухню, откуда летели ароматные запахи жареного мяса, густого супа с салцом, от коего в янтарной жидкости плавают жирные пятна, и прочих кушаний; те же расшитые полотна рукотканцев, вязанки лука и букетики колошьев. Разве что почище выскоблены полы да намыты столы.

За одним таким столом в самом дальнем углу сидела одинокая девушка, судя по всему, ожидавшая, когда с кухни принесут ужин. Она бросила взгляд на вошедших и опустила глаза. Парень, которого звали Лабусем, крикнул, пробормотал что-то вроде «Эка краса пропадает, сейчас сторгуемся» и нетвёрдой походкой направился к незнакомке.

– Вечер добренький, – начал он, останавливаясь перед ней и снимая шапку. Девушка не ответила: глянула холодно и отвернулась.

– Я к чему веду, – не смутившись подобным приёмом, продолжил Лабусь, которому несколько глотков сливянки на пустой желудок придали изрядной смелости. – Пошто одной сидеть, в тоске время проводить? Да и ночью развлечь-оберечь некому. Одинокая девка – что кобылка без всадника:

обидеть кто может или волчище задрать...

Девушка подняла голову. Красиво очерченные губы насмешливо искривились.

– Я хоть кобылка и неподкованная, а так лягну, что ты, щен визгливый, зубы по всей степи собирать будешь, – негромко ответила она.

Парень вспыхнул, словно стёгнутый по лицу крапивой. И тут же тяжёлая рука огрела его по затылку, дёрнула назад. Пытусь торопливо зашептал ему на ухо, поглядывая то на строгие, но дорогие одежды девушки, то на перстень на её пальце. Гнатий и прочие тем временем поснимали шапки и как один залопотали:

– Не держи зла на дурня нашего, светлая маронка!

– Его мати в детстве поленом пришибла, с той поры и несёт невесть что...

– Опять же, понять его можно: я вот красавиц всяких видал, но, ежели с тобой сравнивать, то ты ножки помыть изволила, а оне той водой лица умыли. Красота твоя и у старого ум отшибёт, что про молодого говорить!

– Не гневайся, ясная маронка! А мы ему ухи-то пообдираем...

Сердитое лицо девушки начало понемногу смягчаться.

– Будет вам, ясноваженные, – бархатным голосом произнесла она. – Нешто за одного недоумка добрым людям жизнь портить буду? – и, не слушая благодарностей, посмотрела на старика, улыбнулась ласково: – А льстить, диду, не нужно.

Лучше сидайте, люди добрые, поговорим.

С облегчением выдохнув, мужчины торопливо уселись на лавку.

– Откуда, светлая маронка, да куда путь ведёшь, не во гнев будь спрошена?

– До житины святых людей, в честь чудесника Реколы названной, еду. Обет дала, что за оставленное мне наследство путь одна проделаю и дары богатые отвезу. Еду с Дальнеюжъя, из имения Золотополье, что досталось мне после ухода к Вышнеединому Мокича и Ялины, – голос девушки оборвался. Старик Свербысь придвинулся ближе, глядя сочувственно и внимательно:

– Ох, горе-то... Так ты, стало быть, их донька?

Она покачала головой:

– Нет, диду, они дитёв не завели, не сподобил Вышнеединый. Но нередко бывали у родителей моих приёмных в Щедрицах и завсегда меня баловали. И вот недавно принёс нам служитель с управы по наследованным делам грамоту за печатями. Они, благодетели, почти всё мне отписали, – маронка вынула тонкотканый платочек, уткнулась в него. Мужчины сочувственно молчали, только переглядывались и вздыхали.

– Так ты не Олестя ли?

– Оксюта, – поправила она.

– Ох, прости старого, попутал. Память уже не та, что прежде.

Девушка едва приметно улыбнулась и лукаво посмотрела на старика:

– Скажи, диду, а не Свербысь Гусище ли ты, Лапотным прозванный, из людей вышечтимого марона Крытения?

– Он и есть, – отозвался старик, широко улыбаясь. Взгляд его из прищуренного стал дружеским, тёплым. Прочие тоже оживились и закивали.

– Так у меня ж для тебя есть кое-что, благодетелями моими оставленное, как другу староверному, – всплеснула руками Оксюта, поднимаясь с лавки. – Погоди, сейчас обернусь, – и выскользнула за дверь.

– Это кто ж такая, дидусь? – осторожно поинтересовался тот, кого называли Тума.

– Ясноваженная и весьма богатая маронка, – отозвался тот. – Я от Мокича слышал про неё. Знатная она, и не приёмными родителями, а истинными. В сиротстве осталась, и её до поры в Щедрицы забрали Карпусь да Лянка. Души в ней не чаяли, как и Мокич с Ялиной. На язык остра, на руку тяжела – если в гнев ввести, но рачительна, умна и не злопамятлива. Так что, Лабусь, благодари Вышнеединого, скудоумец, что обошлось! Ей перстень особый вышнеуправцем дан: коли обидит кто маронку, драту тому быть нещадно. А ты к ней, светлой, как к придорожной давалке!

– Пшёл с глаз за дальний стол! – Гнатий вновь наподдал парню по затылку. Хозяин гостильни, накрывавший на стол, глядел укоризненно: еще не хватало из-за какого-то дурня

от местной управы разнос получить. Хвала Вышнеединому, уладилось вроде.

Оксюта бесшумно появилась в дверях, оглядела всю компанию, чуть приметно нахмурилась. Задержала взгляд на Туме, и нахмурилась еще больше, но тут же улыбнулась.

– Диду, вот тебе, – поклонилась она старику, протягивая изрядных размеров холщовый свёрток. И отдельно подала небольшой звякнувший мешочек. Глаза старика округлились:

– Ох, милая, нешто всё мне?!

– Да, дидусь. Там внутри грамотка есть, где то, что оставлено тебе, записано рукой Станко Мокича. – Девушка подняла взгляд на Гнатия: – Куда ж вышечтимый марон послал вас, ясноваженные? Торжища навроде нету.

– Так мы уж к дому, светлая маронка. Вот за ним в Ученище мотались, – Гнатий махнул рукой на скорчившегося в углу Туму.

– О как, – удивилась девушка. – На что ж он Крытеню? Может, знатен делами святыми в угоду Вышнеединому?

– Про то не знаем. Только у марона донька заболела, и наказ он нам дал штударя Туму доставить в имение. А Тума этот, вишь, всё от мароновой милости сбежать норовит.

– Вот дурной, – покачала головой Оксюта. – Худо, коли другое что вместо головы думает... да и сам кое-как дело делает.

Тума вздрогнул. Посмотрел на маронку, но та уже обер-

нулась к подошедшему хозяину:

— Бude добр, всё, что я запросила, ко мне в комнату доставь. Негоже добрым людям мешать отдыхать, — и, не слушая возражений, направилась к дверям. На пороге обернулась: — И вот ещё что... Угости-ка на славу ясноваженных, пусть добром помянут и моих родных, и тех, что волею Вышнеединого мне родными стали, — она положила на край стола два злотенка и вышла под невнятный гул благодарностей и добрых пожеланий.

— Ай да мароночка, ай да щедрица! — Гнатий, оправившись от восторга, повернулся к хозяину: — Тащи сюда всё наилучшее да выпивки самой дорогой! И поболее!

* * *

Тума смутно помнил эту ночь — много пили, много говорили, на просьбы отпустить его лишь посмеивались да подливали настоек. Припоминал, как задавали ему вопросы разные, а он только молился про себя, чтобы не сболтнуть лишнего — про то, как пару ночей назад почти насмерть пришиб старуху-ведьму, которая чуть дух из него не выпустила. А та возьми и обернись юной красавицей да пообещай, что теперь непременно сведёт с ним счёты... Припоминалось ему ещё, как все пьяно и дружно хохотали над недоумком Лабусем, вышедшим на двор по нужде и вернувшимся белым от страха, лопочущим непослушным языком про то, что, мол,

заглянул на конюшню, хотел маронкиного коня погладить, а тот как сверкнёт огненными глазами да как покажет из-под губы длинные и вовсе не лошадиные клыки... Как потом очутился в каморке с крохотным оконцем под крышей, Тума уже не помнил. Лунный свет пробивался сквозь грязные стекла, каморка плыла и качалась, с нею качались и мысли о ведьме, и о том, как же он сразу её не распознал да не сбежал, и о том, как теперь быть. Глухое отчаяние наполняло душу, а потом сменялось вдруг пьяной удалей и начинали рисоваться картины, как он избежит опасности или справится с ведьмой и как будет после похвалиться о том в Ученище... И тут у себя в голове Тума услышал едва слышный голос, говоривший понятно, но не по-местному:

– Глупец ты, штударь. С ведьмой так просто не совладаешь.

Тума хотел было подскочить, спросить, кто здесь, но не сумел даже пошевелиться.

– Я могу помочь тебе избавиться от ведьмы и спасти твою жизнь.

– Чего взамен просишь? – с трудом ворочая языком, пробормотал Тума.

– Каплю твоей крови.

– Что? – мигом вскинулся парень, осеняя себя божественным знаком. – Поди прочь от меня, нечистый! Именем Вышнеединого заклинаю...

Голос тихо фыркнул:

– Ох и дурень же ты, Тума. Сроку у тебя два дня да две ночи, кроме этой. Потом, если жив останешься, ещё раз спрошу. Ума не прибавится – после не жалуйся.

– Прочь! Может, мне почудилось и вовсе то не ведьма была, и вовсе не...

– Дурень, – повторил голос. – А дурням чаще выпадает гибель, чем везение.

– Да я тебя... – Тума собрался с силами, сел и... проснулся. Луна ушла, но солнце еще не встало и зоряник не пел. Голова трещала, что переспелый бузень на грядке. Хорошо хоть кувшин воды рядом поставили. Штударь жадно напился, протёр заспанное лицо.

– Приснится же всякое! – проворчал он и заснул опять, уже без сновидений.

* * *

Утром все были помятые и опухшие, отпивались рассолами, дожевывали оставшееся с вечера. Что не съели, Гнатий велел завернуть с собой. Пока укладывались, на крыльцо вышла Оксюта – в дорожном наряде, свежая что ясная зорька.

– Породил же Вышнеединый красоту, аж глазам больно! – прошептал Янчусь и, сняв шапку, поклонился: – Утречко надобрейшее, светлая маронка!

– Не сильно ли мешали спать? – спросил Гнатий.

– Нет, ясноваженные, – улыбнулась девушка. – Да хранит

вас Вышнеединый в пути.

Вчерашний работник тем временем вывел во двор её коня – статного вороного красавца с лоснящейся шкурой. Оксюта похлопала его по шее, огладила. Конь фыркнул и переступил с ноги на ногу, косясь на повозку, в которую его как раз собрались запрягать.

– Ой лихо! – вдруг выдохнул разом побелевший работник.

– Что там? – маронка подошла к парню, держа коня под уздцы. И ахнула едва ли не со слезами: – Да что ж за вредительство-то такое?! Как мне быть-то теперь?

По оси змеилась трещина, спицы в колесе были погнуты, а дорогая упряжь изрезана. Парень бросился за хозяином. Тума, привлечённый разговором, сразу припомнил ночные похождения Лабуся и бросил на недоумка быстрый взгляд, но тот сам выглядел ошарашенным – нарочно такое не изобразишь. Гнатий и Янчусь заохали, начали наперебой уговаривать Оксюту заехать к марону Крытеню – там, мол, ущерб исправят, сделают всё наилучшим образом. И с облегчением выдохнули, когда девушка нехотя согласилась.

Пока придумывали, как к малмыге половчее прицепить повозку да сооружали внутри поуютнее место для девушки, трактирщик принёс короб, аппетитно пахнущий мёдом:

– Не откажи, светлая маронка, прими. Недосмотрел за добром твоим, прости уж!

Оксюта помедлила, сурово глядя на хозяина. Затем вздохнула:

– Так и быть, приму.

* * *

Путь до имения марона Крытеня был долгим. Поначалу все молчали, чувствуя себя неловко, но постепенно разговорились: об урожае и ярмарках, о праздниках, о жизни в Дальнеюжье и в поместье, именуемом Знатным уделом. Впрочем, от Оксюты не укрылось, что на вопросы касательно семьи марона да порядков в доме мужчины отвечали вроде бы с почтением, но как-то скупой и нехотя. Затем затянули песни и с ними уже затемно подъехали к имению. Чуткий слух Оксюты издали уловил причитания, стоны и плач. Напрягся и Тума, прислушиваясь.

Навстречу малмыге уже бежали мужчины и женщины – махали руками, кричали, чтобы пение прекратили. На расспросы ответили, что метавшаяся в бреду Галия, донька Крытеня, на закате отправилась к Вышнеединому. Заодно поведали, что мароночка перед смертью вдруг вскрикнула не своим голосом: «Прогони её! Прогони!», а потом затихла и отошла.

– Кого это прогнать? – с жадным интересом спросил Пытуть.

– Наперво думали, смерть. А вскоре побируха пришла, ночевать набивалась. Марон велел милостыню дать да выставить вон. Как та ни жалобила, что ноги не держат, а с госпо-

дином не поспоришь... А чего это вы везёте?

– Да вишь, у светлой маронки Оксюты с Золотополя повозку спортили. Поправить надо.

Малмыга с прикреплённой к ней повозкой въехала на огромный освещённый факелами двор. Спрыгнув на землю, Гнатий первым делом бросился в дом господина. Прочие пока помогли Оксюте выбраться из малмыги да краем глаза приглядывали за Тумой, который тревожно озирался по сторонам.

Женщины окружили Оксюту, кланялись, приглашали присесть на лавку да выпить с дороги свежего молочка. Девушка от угощения не отказалась. Как-то незаметно завязался разговор. О смерти маронки Галии женщины рассказывали шёпотом, боязливо оглядываясь, и осеняли себя знаком Вышнеединого. Оксюта слушала, вздыхала, сочувствовала, затем отдала старшей из женщин сладко пахнущий короб и попросила разделить между всеми, дабы помянуть ушедшую душу.

Вернувшийся Гнатий подошёл к девушке, отвесил поклон:

– Такое дело, ясноваженная Оксюта... Марон видеть тебя хочет.

– До меня ли ему? – вздохнула она, но пошла за Гнатиём. Тот проводил её до просторной залы, освещённой множеством свечей, пропустил маронку внутрь, а сам остался в сенцах. Оксюта увидела затянутые тканью зеркала, в отдале-

нии – гроб с телом юной девушки, и поклонилась шагнувшему ей навстречу мужчине.

– Даже не знаю, как приветствовать тебя, вышечтимый марон, – с тихой печалью проговорила она. – Ибо сейчас никакие слова не исцелят боль души отца, потерявшего любимое дитя.

– Благодарствую, светлая маронка, – отозвался Крытень, глядя на девушку. Оксюта подняла на него глаза. Марон хоть и не был молод, но сохранил стать и силу, и особую суровую красоту. В тёмных коротко стриженных волосах его едва серебрилась седина, скорбные морщины перерезали лоб, а глаза, словно пеленой, были укрыты глухим горем. – Прости, что не могу как должно такую красоту встретить. Музыкой бы да весельем, а не смертной тоской.

– Это ты меня прости, вышечтимый марон. Не ко времени всё случилось. Прикажи поскорее чинить повозку мою, да я в путь отправлюсь, дабы не мешать проводам дони твоей.

У марона дрогнуло суровое лицо.

– Обидела? – встревожилась девушка.

– Нет, что ты, – широкая ладонь коснулась её щеки, задержалась на мгновение и безвольно опала. – Наказ дам о почине, а ты будь здесь, сколько пожелаешь. Может, и мне в печали моей легче станет. Завтра поговорим, а сегодня не серчай: хочу побыть опоследние часы с доней моей.

Оксюта кивнула:

– Я ж всё понимаю, вышечтимый марон. Да облегчит

Вышнеединый боль твою.

На мгновение показалось, что Крытень еще что-то скажет, но вместо этого он подошёл к дверям, распахнул их и велел:

– Гнатий, проводи ясну мароночку и проследи, чтоб ей наилучший покой выделили да ни в чём отказать не смели. Животину её досыта накормить, и починить всё, что напорчено! Да зови сюда штударя этого. Говорить с ним буду.

Гнатий кивнул, посторонился, пропуская Оксюту, и не заметил, как чуть приметно нахмурилась девушка: в глазах услужника она увидела то же самое, что и у его хозяина. Словно клубилось в них нечто тёмное, слабо различимое, но от этого не менее опасное.

* * *

Тума робко топтался на пороге, не смея поднять глаз на сидящего возле гроба мужчину. Затем несмело кашлянул, и марон повернулся к нему.

– Здоровьица тебе, выщечтимый, – штударь стянул шапку, поклонился. Неровно остриженные светлые кудри упали ему на лицо.

– Значит, ты и есть будущий толкователь Слова Вышнеединого Тума?

– Он самый.

– Не упомню, чтобы прежде видел тебя, – Крытень поднялся, подошёл к парню, с недоверием разглядывая его. –

Чей ты сын?

– Не знаю, что и ответить, вышечтимый марон. Один я... родных не упомяну, сирота с малых лет.

– В наших краях бывал?

– Так впервые...

Крытень схватил его за рубаху, подтянул к себе, недобро сверкнул глазами:

– А не лжёшь ли? Говори, откуда доню мою знал? Где был с ней?

– Клянусь, отродясь дел с вышечтимыми не имел! – зататорил испуганный штударь. – Я всё ж разуменье имею, к кому соваться не следует.

Несколько мгновений марон пристально смотрел на Туму, затем медленно, словно нехотя, разжал пальцы:

– Тогда пошто она тебя выбрала, дабы поминал её Словом Вышнеединого?

Тума растерянно пожал плечами. Осторожно подошёл к гробу, чувствуя, как предательский страх холодом крутит нутро. Глянул на упокойницу и как можно ровнее ответил:

– Откуда ж мне знать? Людям порой такое желается, что и наимудрейший не поймёт, отчего да к чему.

– Коли сведаю, что лжёшь... – начал было марон, но тут же тряхнул головой, отгоняя напрасный гнев. – Может, добрыми делами ты славен? Или многосвяточеств?

– Кто, я?! – Тума нервно хохотнул и прикрыл рот рукой. – Нет, вышечтимый, ни прилежанием, ни святостью не мо-

гу подивить. Наставители говорят, ленив без меры, покуражиться да выпить горазд. Бывало, да простит меня Вышнеединый, к девкам ходил в канун Праздника Удержания.

Марон глянул возмущённо, но промолчал. Некоторое время мерил шагами комнату, что-то обдумывая, затем остановился у гроба, поправил в изголовье венок из белых цветов:

– Едва почуяла доня моя близость смерти, так попросила: «Пошли в Ученище за штударем Тумой, пусть он молится за меня, грешную» – и более ни слова не сказала. А сегодня успела только шепнуть: «Тума пусть троеночие поминает, только он один ведаёт...» Что ведаёт, я уже не услышал... Буде так. Поминай её Словом Вышнеединого троеночие, Тума.

– Не во гнев вышечтимому осмелюсь сказать... Для такого случая не меня – кого-то из умудрённых надо бы. Хоть третьепосвященного – они и собою видны, и навык имеют...

– Может, и так. Только я волю дони моей выполнить обещал. Коли она просила тебя, ты троеночие и отслужишь. А я за то награжу тебя изрядно. Ступай, – марон махнул рукой и вновь сел у гроба, глядя на мёртвую.

* * *

Оксюту приняли со всем почтением, разместили в уютных покоях, из окон которых виднелся сад; нагрели воды, чтобы

девушка смогла ополоснуться, а после взялись было накрывать на стол, но маронка покачала головой:

– Не в радость одной-то. Если вы не против, я бы с вами поела.

Женщины растерялись – как так, вышечтимая да с ними рядом, но перечить не стали. Оксюта рассказала им, что без дела сидеть не приучена – хозяйство, что от кровных родителей осталось, большое, да и у приёмных тоже. Разговор постепенно сладился и зажурчал ручейком.

– Вот глаза радуются, на тебя глядячи, ясна маронка. Наша-то приветлива не была. Навроде улыбается, а словно холодом тянет.

– Надо же, – удивилась Оксюта. – Сам-то вышечтимый хоть и суровым мне показался, а всё же с душой.

– Так-то оно так, – зашептала одна из женщин. – Галия-то, покуда малой была, словно солнышко сияла, а едва мать её к Вышнеединому ушла, так мароночку словно подменил кто.

– С постели не вставала, – добавила другая. – Аж на упо-мин до святого дому не ходила – такая горесть сильная была.

– Да и марон наш тоже... Жёну любил ох как!

– Хватит, растрещоткались! – осаждала их самая старшая, Одарёнка. – Нечего в ночи да об ушедших, чтоб не заплутали они на пути к Вышнеединому и назад не вернулись.

– По твоим словам так и быть, хозяйюшка, – кивнула Оксюта. – А что за узорье дивное на рукотканце вышито? Цветы словно живые...

Разговор перешел на вышивку и прочие женские хлопоты. Убирать со стола Оксюте не дали – не по чину, и гостья пошла провести своего жеребца. Тот обрадовался хозяйке, с удовольствием принял лакомство из её рук. Оксюта долго наглаживала лоснящиеся бока вороного красавца и чему-то задумчиво улыбалась.

Выходя из конюшни, девушка едва не столкнулась со старым Свербысем.

– Не спится, диду? – приветливо спросила маронка.

– Да вот тебя искал, благодарение высказать за подарки.

– Пустое, – улыбнулась Оксюта. – Кабы не порча, я б наперво до житины Реколы доехала, а уж на обратном пути сюда завернула. Но Вышнеединый иначе решил.

Свербысь тихо вздохнул.

– Что-то не так, диду? – насторожилась маронка.

– Да всё так, – старик помедлил и вдруг зашептал: – Молчи, да слушай. Езжай отсель, доня, как можешь быстро. Тьма у нас крылья раскрыла, потому не надо тебе, светлой, быть здесь. Как починят повозку, так сразу и едь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.